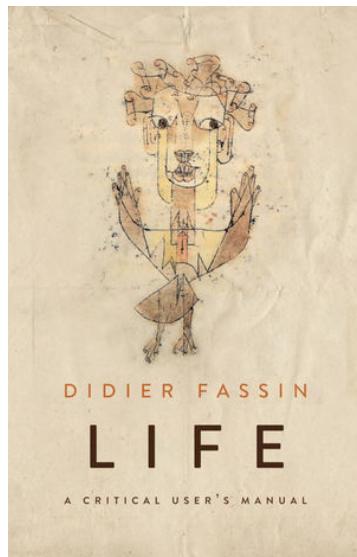

РЕЦЕНЗИИ

УДК 314/316
DOI: 10.17223/2312461X/30/17

ЖИЗНЬ: КРИТИЧЕСКОЕ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ*

Fassin Didier. *Life: A Critical User's Manual*. Polity Press, 2018.
ISBN: 978-1-509-52668-0

Чем интересна и почему важна книга Дидье Фассена «Жизнь: критическое руководство пользователя»? Тем, что в ней автор мобилизует и перестраивает философское понятие «жизнь» и философские построения о жизни на основе эмпирического материала и в критической перспективе, придавая такому анализу, как он пишет, «двойное измерение – политическое и моральное» (р. 47).

В качестве отправной точки этого анализа во вступительной части книги Фассен обращается к размышлениям Теодора Адорно о жизни как «отчужденной [от самого человека] форме» (р. 19), в которую она превратилась в современную эпоху, эпоху развития современных обществ – жизнь человека не принадлежит ему самому, что, подчеркивает Фассен, действительно и сегодня. Помещая в центр внимания саму

* Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН.

жизнь, Фассен, по его словам, не стремится предложить какой-либо исследовательский проект наподобие «антропологии жизни» – стремление это он усматривает в исследованиях Тима Ингольда, Эдуарда Кона и Пе-риг Питру. Он задается целью изучить ценность жизни в абстрактном ее понимании и ценность жизни конкретных людей в современном мире *de facto*, а точнее, разрыв между этими двумя ценностными измерениями. Операціонализируя «жизнь» как философскую категорию через философское понятие «форма жизни», Фассен анализирует идеи о формах жизни у Людвига Витгенштейна, Жоржа Кангилема и Джорджа Агамбена. И выводит три оси диалектического напряжения, которые их подходы, рассмотренные в совокупности, обнаруживают, а именно: 1) общее, универсальное, что присуще человеческой жизни – различия, обусловленные контекстом, в котором она развивается; 2) жизнь человека как явление биологическое – жизнь человека как биография, история жизни; 3) закон, который определенным образом упорядочивает жизнь – то, что происходит на практике помимо закона (р. 47).

Не пытаясь преодолеть эту диалектичность, на собственном эмпирическом материале, собранном за десятилетие этнографической работы, Фассен показывает, что каждая из этих трех осей и их полюсов и все три вместе важны для понимания «особенно значимой современной формы жизни» – жизни «вынужденных номадов» (р. 37). Это есть форма жизни вынужденно перемещенных лиц и беженцев (десятки миллионов людей в мире), чья жизнь оказывается возможной лишь как биологический факт, проживаемый на грани небытия – форма жизни, исключающая саму возможность «полной реализации жизни» как явления не только биологического, но социально-политического порядка (р. 26).

Рассказанные Фассеном истории сирийских студентов во французском стихийном лагере для беженцев Кале (ликвидирован в июле 2020 г.) или зимбабвийских женщин в заброшенных зданиях в самом центре Йоханнесбурга, выходца из Марокко или беженки с Гаити во Франции, наемного рабочего в сельской глубинке ЮАР, палестинцев и израильтян потрясают своей трагичностью. Они вскрывают боль, страдания и лишения этих людей, которые продолжают оставаться вне поля зрения и интереса широкой общественности. Фассен выражает и разочарование, и недоумение, испытываемые им и этими людьми, чье униженное и произвольно (вопреки их воле) обесцененное положение, сознательно «не называемое как таковое», при «последовательном отказе» им в каком бы то ни было признании (*recognition*) очевидным образом неприемлемо (pp. 134–135).

«Как такое возможно до сих пор?» – задается вопросом Фассен. До сих пор – потому, что, как он показывает, вынужденный номадизм – явление, уже имевшее место в XX в. Так, в своей книге Фассен часто отсылает читателя к свидетельствам гонений во время Второй мировой

войны и к Холокосту, проводя параллели с опытом расчеловечивания того времени и высвечивая, тем самым, весь драматизм и трагизм того, что происходит с вынужденными номадами сегодня, в XXI в. При этом он связывает это положение вещей именно с состоянием современных, в том числе демократических обществ. И здесь его мысль можно было бы дополнить, одновременно противопоставив ей наблюдение американского культур-социолога Джейфри Александера (Alexander 2008) о том, что (ир)рациональное включение одних людей и не-включение других в некую общность (иначе – дискриминация), будь то гражданская общность (*'the civil sphere'*) или любая иная общность – это то, что характеризует человечество как таковое и сопровождает его в истории. То есть это не черта современности самой по себе.

Не единожды ссылаясь на философские построения о жизни у Арендт, Беньямина и других и на представителей интеллектуальной традиции Франкфуртской школы (Адорно, Хорхаймер, Хоннет), сам Фассен не ставит вопроса, важного для них, вопроса о том, что есть «хорошая жизнь» (*'the good life'*) или «хорошее общество» (*'the good society'*). В отличие от них Фассен не осмысляет и не ищет путей того, как жизнь, в том числе жизнь в условиях постоянного риска и нестабильности (*precarity*), – вынужденный номадизм как одна из ее форм – может быть изменена к лучшему. Вместо этого он стремится показать, *насколько* жизни неравны, обнажить «физическую воплощенность неравенства» (р. 121). И эту задачу он, как мне представляется, успешно решает.

Именно неравенство (*inequality*) человеческих жизней, главным образом социально-экономическое неравенство, по мнению Фассена, лежит в основе сложившегося положения, при котором возможен, среди прочего, вынужденный номадизм. Он исследует неравенство генеалогически, через историю становления практики определения «стоимости жизни» в конкретном денежном выражении (плата за жизнь вместо кровной мести, страхование жизни и его закрепление в законодательстве США, компенсационные выплаты за гибель людей в результате стихийных бедствий, военных действий и т.п.), выявляя колоссальные диспропорции. Само оценивание жизни, согласно Фассену, сделало идею неравенства человеческих жизней принципиально возможной, мыслимой; практика оценивания жизни стала рутинной.

Неравенство раскрывается автором в трехчастном анализе концепций – «форма жизни», «этика жизни», «политика жизни» – каждой из которых он посвящает отдельную главу. Здесь «форма жизни» – то, что объединяет три вышеназванные оси диалектического напряжения – все три находят отражение в жизненном опыте людей, исследуемом Фассеном этнографически; «этика жизни» позволяет увидеть (порой вынужденно) асимметричные ценностные установки людей по отношению к жизни в разных этнографических контекстах; «политика жизни», в проти-

вовес «биополитике» Мишеля Фуко (понимаемой Фассеном как «технологии управления населением» (р. 96), принципиально не включающей, по его мнению, жизнь и политику, определяющую жизнь, и потому – проблематичной), выражает неравное / несимметричное ценностное и практическое отношение к жизням людей в условиях современного государственного управления и экономического (точнее – капиталистического) развития.

Наряду с высказыванием автора о неравенстве жизней ключевым для его книги видится тезис о смещении ценностно-значимых акцентов в современном мире: идея о человеческой жизни как о факте исключительно биологического порядка становится все более приоритетной (такая жизнь определяется как самоцель); идея же о равных возможностях реализации бесконечного потенциала жизни уходит на дальний план или вовсе не проговаривается, при этом платой за стремление реализовать свою жизнь во всей ее полноте все чаще становится жизнь биологическая. Так, отмечает Фассен, тяжелая (потенциально или фактически смертельная) болезнь стала практически единственной «спасительной» возможностью для беженцев легализовать свой статус во Франции, несмотря на право политического убежища, а атаки палестинских смертников – единственно возможное их политическое высказывание в защиту своего человеческого достоинства и жизни, в итоге безвозвратно утрачиваемой ими и их жертвами.

Не будучи руководством к действию, данная книга – призыв к признанию обесцененных жизней миллионов людей и, в более общем смысле, к критическому переосмыслинию того, почему мы наделяем той или иной ценностью – и как мы могли бы иначе воспринимать – других, отличных от нас по тем или иным признакам людей.

Литература

Alexander J.C. *The civil sphere*. Oxford University Press, 2008.

E.M. Карагеоргий

Институт этнологии и антропологии РАН

Рецензия поступила в редакцию 10 октября 2020 г.

Karageorgii Elena M.

Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

RETHINKING LIFE CRITICALLY*

Review of Fassin Didier. *Life: A Critical User's Manual*. Polity Press, 2018. ISBN: 978-1-509-52668-0

DOI: 10.17223/2312461X/30/17

*The review is published in accordance with the Research Plan of the Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences.

References

Alexander J.C. *The civil sphere*. Oxford University Press, 2008.